

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ЖАН-ЛЮК
НАНСИ

СЕКСУАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ



ДЕКОН-
СТРУКЦИЯ
ФРЕЙДА

ЖАК
ЛАКАН

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Жан-Люк Нанси
Жак Лакан
Сексуальные отношения.
Деконструкция Фрейда
Серия «Философский поединок»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69318754

Сексуальные отношения. Деконструкция Фрейда: Родина; Москва; 2023

ISBN 978-5-00222-020-5

Аннотация

«Сексуальных отношений не существует», – такой диагноз поставил французский психоаналитик, психолог и социолог Жак Лакан. В современном обществе сексуальные отношения перестают быть подлинной страстью, они обесцениваются, мало того, у людей появляется бессознательное желание избавиться от страстей, которые слишком обременяют их.

Ж.-Л. Нанси, другой французский психолог, дополняет и в то же время опровергает Лакана, подробно рассматривая различные стороны сексуальных отношений. Он говорит, что они «не измеримы, не высказываемы», но точнее всего, – именно как отношения – они «не вписываемы» в прокрустово ложе психоанализа.

В связи с этим, Нанси, так же как Лакан, проводит «деконструкцию» психоанализа Фрейда, нацеленную не на ниспровержение или опровержение, но на пересмотр и дальнейшее движение психоаналитического метода.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Жак Лакан	6
Деликатный вопрос об Эдипе	6
Желание желания. Гомосексуализм	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Жак Лакан,
Жан-Люк Нанси**

**Сексуальные отношения.
Деконструкция Фрейда**

© Нанси Ж.-Л. (Nancy J.-L.), Лакан Ж. (Lacan J.), право-
обладатели

© Перевод с французского Е. Петровской, Е. Гальцовой,
А. Черноглазова

© ООО «Издательство Родина», 2023

Жак Лакан

**Теория сексуации в психоанализе
Фрейда (из «Семинаров»)**

Деликатный вопрос об Эдипе

Функция отца занимает в истории психоанализа свое определенное место, и место довольно значительное. Она лежит в центре проблемы Эдипа, где мы впервые с ней и встречаемся. Фрейд вводит ее с самого начала, так как с эдиповым комплексом мы сталкиваемся уже в «Толковании сновидений». Первое, о чем бессознательное дает знать, это, конечно же, эдипов комплекс. Самое главное, что открывается в бессознательном, это детская амнезия, забвение – забвение чего? Забвение факта детских желаний, направленных на мать, а также того факта, что желания эти вытеснены. При этом они не просто были подавлены – но забыто оказалось, что именно эти желания исконными и являются. И они не просто исконны – они всегда налицо. Вот из чего исходит анализ, вот отправная точка для формулирования целого ряда клинических проблем.

Я попытался, таким образом, упорядочить в определенных направлениях те вопросы, что возникают в истории пси-

хоанализа в отношении эдипова комплекса.

Первым из них является вопрос, возникший уже давно. Речь шла о том, действительно ли эдипов комплекс, выступавший поначалу как основа для объяснения невроза, но выросший впоследствии в работах Фрейда до масштабов универсальных, встречается не только у невротиков, но и у людей нормальных. Последнее предположение тем более основательно, что именно комплексу Эдипа принадлежит важная роль в процессе нормализации. Поэтому даже полагая, что именно эдипов эпизод провоцирует возникновение невроза, вполне можно было, с другой стороны, спросить себя – а не бывает ли неврозов и помимо Эдипа?

Похоже, некоторые наблюдения действительно свидетельствуют в пользу того, что эдипов комплекс не всегда играет ведущую роль, что роль эта может принадлежать, например, отношениям ребенка с матерью, когда эти последние целиком оказываются на нее замкнутыми. Опыт обязывал нас, таким образом, признать, что могут существовать субъекты с такими неврозами, в которых Эдипа нет и следа. Напомню, что одна из статей Шарля Одье как раз и называется: «Возможны ли неврозы без эдипова комплекса?»

Понятие невроза без Эдипа соотносится с совокупностью вопросов, связанных с тем, что называют материнским сверх-Я. К тому времени, когда был поставлен вопрос о неврозе без Эдипа, Фрейд уже успел сформулировать положение, согласно которому сверх-Я имеет отцовское происхож-

дение. Тогда-то и возник вопрос: а действительно ли сверх-Я всегда имеет исключительно отцовское происхождение? Не кроется ли в неврозе за отцовским сверх-Я еще и сверх-Я материнское – куда более требовательное, настойчивое, подавляющее и пагубное, нежели первое?..

Независимо от вопроса о том, имеется ли у того или иного субъекта эдипов комплекс или же он у него отсутствует, возникло другое подозрение: не соотносится ли вся подлежащая нашей юрисдикции область патологии, которая нашим заботам предоставлена, с той областью, которую назовем мы здесь до-эдиповой. Итак, имеется Эдип, Эдип этот рассматривается как характерный для определенной фазы, и если в какой-то момент своего развития субъект достигает зрелости, Эдип при этом всегда налицо. Однако из того, что сам Фрейд высказал уже на раннем этапе своего творчества, пять лет спустя после выхода «Толкования сновидений», в «Трех очерках по теории сексуальности», следует, по сути дела, что происходящее с субъектом до Эдипа тоже по-своему небезразлично.

Правда, будучи небезразличным, оно получает у Фрейда свое значение лишь посредством Эдипа. Вот только понятие *Nachträglichkeit*, понятие обратного действия Эдипа, на которое, вы знаете, я с такой настойчивостью то и дело ваше внимание обращаю, никогда, ни разу в этот период Фрейдом не привлекается. Создается впечатление, что это понятие его мысли не поддается. Предметом забот тогда были требова-

ния прошлого в чисто временном смысле.

Иные области в поле нашего опыта соотносились с полем до-эдиповых этапов развития субъекта совершенно особенным образом – это, с одной стороны, извращение, с другой – психоз.

Извращение было для некоторых своего рода первичным состоянием, целинной почвой. Слава Богу, мы теперь уже так не думаем. Если поначалу концепция эта была, по меньшей мере, в качестве приблизительного решения, допустима, то теперь законность ее сомнительна. Извращение считалось, по сути дела, патологией, этиология которой особо тесно соотносилась с до-эдиповой областью, – патологией, обусловленной ненормальной фиксацией. Именно по этой причине извращение и рассматривалось, кстати, как невроз, вывернутый наизнанку, или, точнее, как невроз, который налицо вывернут так и не был, невроз, чья изнанка так и осталась явной. То, что было в неврозе вывернуто наизнанку, явило себя среди бела дня в качестве извращения. Не пройдя Эдипа, извращение не было вытеснено, оставив бессознательное под открытым небом. Теперь на этой концепции уже никто не настаивает, но это отнюдь не значит, что мы от этого далеко продвинулись.

Я подчеркиваю, таким образом, что к вопросу о доэдиповом поле тесно примыкают проблемы извращения и психоза.

Проблематика эта может теперь быть представлена в разном свете. Как в извращении, так и в психозе речь всегда

идет о воображаемой функции. Даже не будучи специально посвящен в те мыслительные манипуляции, что мы здесь проделываем, любой может убедиться, насколько важное место в обоих этих регистрах, хотя в каждом и по-своему, принадлежит образу. Эндофазное вторжение воспринимаемой слухом речи не носит, разумеется, того паразитарного, угрожающего сознание характера, который свойственен образу в извращении, но как в одном, так и в другом случае, мы имеем дело с проявлениями патологии, где образы вызывают в поле реальности серьезные возмущения.

История психоанализа свидетельствует, что именно к до-эдиповой области и опыт, и требования связности и последовательности, все то, одним словом, из чего выстраивается и на чем стоит любая теория, относят некоторые глубокие и серьезные нарушения поля реальности в результате вторжения Воображаемого. Термин «Воображаемое» оказался при этом удобнее, нежели термин «фантазм», в применении к психозам и извращениям, похоже, не слишком уместный. Целое направление в психоанализе занято разработкой и исследованием до-эдиповой области – можно даже утверждать, что именно здесь достигнуты были со времени Фрейда наиболее значительные успехи.

Итак, два полюса, вокруг которых группируются возникающие вокруг Эдипа вопросы, мы уже определили – это, во-первых, сверх-Я и неврозы, не связанные с Эдипом, и, во-вторых, все то, что касается нарушений, возникающих в по-

ле реальности.

Третий полюс, ничуть не менее заслуживающий внимания, – это связь эдипова комплекса с так называемой гени- тализацией. Ибо они отнюдь не одно и то же.

С одной стороны – момент, который, будучи с течени- ем времени отодвинут многочисленными исследованиями и дискуссиями на задний план, в клинической практике по- прежнему молчаливо подразумевается – эдипов комплекс выполняет функцию нормализации, причем не только нор- мализации моральной структуры субъекта или отношений его с реальностью, но и нормализации усвоения им собствен- ного пола – положение, всегда, как вы знаете, сохраняющее в психоанализе определенную двусмысленность.

Дело ведь в том, что, с другой стороны, собственная гени- тальная функция вступает в процессе созревания после пер- вых же сексуальных позывов органического порядка – позы- вов, анатомическую подоплеку которых усматривали в раз- витии яичек и образовании сперматозоидов. Связь между этими органическими позывами и наличием у рода челове- ческого эдипова комплекса осталась филогенетической про- блемой, по-прежнему покрытой мраком – вплоть до того, что теперь вряд ли найдется желающий на эту тему что-нибудь опубликовать. В истории психоанализа вопрос этот, тем не менее, ставился.

Итак, проблема гени- тализации имеет две стороны. С од- ной стороны, имеется некий позыв, предполагающий эволю-

цию, созревание. С другой стороны, в эдиповом комплексе налицо усвоение субъектом собственного пола, то есть, называя вещи своими именами, то самое, в силу чего мужчина усваивает себе тип мужеский, а женщина – некий тип женский, признает себя женщиной, отождествляет себя с определенными женскими функциями. Маскулинность и фемининность – вот термины, выражающие то, что представляет собой суть эдиповой функции. Мы оказываемся здесь на уровне, где Эдип непосредственно связан с функцией Идеала Я – другого смысла у него нет.

Вот три рубрики, под которыми можно классифицировать все дискуссии, которые, возникнув вокруг Эдипа, касаются в то же время и функции отца, ибо это абсолютно одно и то же. Без отца нет и проблемы Эдипа; и наоборот, говорить об Эдипе – значит подойти к функции отца как к чему-то принципиально существенному.

* * *

Теперь, когда эти три исторически сложившиеся группы проблем в общих, глобальных чертах вам представлены, мы, ограничившись третьей рубрикой – функция Эдипа как фактор, непосредственно сказывающийся на выборе субъектом пола, – займемся вопросами, касающимися комплекса кастрации в наименее проясненных его аспектах.

Обыкновенно мы любим подходить к делу с точки зре-

ния клиники, простодушно спрашивая себя в каждом случае: «Ну, а где же отец? Что он, отец, все это время делал? Какова здесь его роль, его участие?»

Вопрос о присутствии отца или его отсутствии, о благотворном или пагубном характере его влияния, мы, разумеется, не затушевываем. Недавно, буквально на наших глазах, появился даже термин «отцовская несостоятельность» – замахнулись на тему нешуточную – другое дело, удалось ли правильно ее сформулировать и нашлось ли, что сказать на эту тему. Так или иначе, в развитии анализа, при его растущем интересе к тому, что элегантно называют окружающей средой, отцовская несостоятельность эта, независимо оттого, назовут ли ее так или как-то иначе, стоит как предмет на повестке дня.

Благодарение Богу, не все аналитики в эту западню попадают. Многие аналитики, услышав от субъектов интересные биографические откровения, вроде: «У моих родителей не было взаимопонимания, в браке у них не было согласия, отсюда все и пошло», – отвечают: «Ну и что? Это абсолютно еще ничего не доказывает. Мы не должны ждать от этого каких-то особенных последствий». И они будут правы.

Когда аналитик пускается на поиски отцовской несостоятельности, – что, касающееся отца, его в первую очередь интересует? Вопросы, которыми он задается, лежат, главным образом, в плоскости биографии. Был там отец или его там не было? Путешествовал ли он, долго ли отсутствовал, ча-

сто ли возвращался? И вообще – может ли Эдип иметь нормальный исход, когда отца нет? Вопросы эти сами по себе очень интересные, скажу больше: именно они и обнаружили первые парадоксы – те самые, которые привели к постановке вопросов уже новых. Именно тогда и стало впервые ясно, что Эдип может отлично сложиться и в тех случаях, когда отца нет.

Поначалу было распространено убеждение, будто все драмы порождаются избытком отца, его чрезмерным присутствием. То было время, когда образ устрашающего отца рассматривался как элемент патологический. Вскоре, однако, стало ясно, что в случае невроза гораздо хуже бывает, если отец оказывается слишком мягким. Ума-разума мы набирались медленно, и теперь, когда мы дошли до противоположной крайности, нас интересует отцовская несостоятельность. Бывают отцы слабые, отцы зависимые, отцы дрессированные, отцы, кастрированные женой, отцы-калеки, отцы-слепцы, отцы-банкроты – одним словом, каких только отцов не бывает! И все же следовало бы извлечь из этой ситуации какие-то выводы и найти минимум формул, которые позволили бы нам продвигаться дальше.

Начну с вопроса о присутствии отца или его отсутствии – конкретном, в качестве элемента окружающей среды. Если мы встанем на уровень, где эти поиски разворачиваются, то есть на уровень реальности, то можно будет утверждать, что вполне возможна, мыслима и осуществима – в чем можно

убедиться на опыте – ситуация, что отец налицо даже тогда, когда он отсутствует. Уже одно это должно было бы внушить нам известную осторожность в попытках связать функцию отца с «окружающей средой». Даже в случаях, когда отец отсутствует, когда ребенок остается жить один с матерью, эдипов комплекс протекает точно так же, как и в других случаях, вполне нормально – нормально в обоих смыслах: нормально как фактор нормализующий, с одной стороны, и нормально как фактор денормализующий, то есть, скажем, обуславливающий возникновение невроза, с другой. Вот первое, на что нам следует обратить внимание.

В отношении несостоятельности отца я хотел бы просто-напросто заметить, что никогда не известно, в чем именно он несостоятелен. Иногда нам говорят, что он чересчур мягкий, словно намекая тем самым, что на самом деле лучше, если он злой. С другой стороны, сам факт, что в злости можно переборщить, явно наводит на мысль, что неплохо порою быть и помягче. Собственно говоря, круг этот уже давно пройден. Стало ясно, что проблема отцовской несостоятельности не касается ребенка, о котором идет речь, непосредственно, что можно было, напротив, как это с самого начала и представлялось очевидным, анализировать эту несостоятельность куда более эффективно, рассматривая ее с учетом того, что отец должен занимать свое определенное место внутри фундаментальной для семьи триадической структуры. Но даже осознав это, найти более удачную фор-

мулировку для того, о чем идет речь, так и не удалось.

Я не хочу распространяться об этом долго, но в прошлом году мы, говоря о маленьком Гансе, эту тему уже затрагивали. Мы уже поняли тогда, насколько трудно, исходя исключительно из «окружающей среды», точно определить, в чем отцовская несостоятельность, собственно, заключалась – ведь отец в семье вовсе не был несостоятелен, он был там, рядом с женой, он выполнял свою роль, он спорил, и, позволяя жене потихоньку гнуть свою линию, занимался ребенком, в сущности, много, так что говорить об отсутствии его нельзя, тем более что он даже позволил анализировать ребенка, что является лучшим, по крайней мере в этом направлении, шагом, который от отца можно вообще ожидать.

Вопрос об отцовской несостоятельности заслуживает того, чтобы к нему вернуться, но мы вступаем здесь в среду столь зыбкую, что необходимо прежде провести одно различие, которое откроет наши глаза на то, в чем исследование этого предмета, в сущности, погрешает. А погрешает оно не в том смысле, что не то находит, а в том, что не то ищет. Ошибка, по-моему, заключается в том, что смешиваются две вещи, друг с другом связанные, но не совпадающие, – отец нормативный и отец нормальный. Конечно, отец может стать причиной отклонения от нормы в ребенке просто потому, что ненормален сам, но в этом случае мы отбрасываем проблему на уровень структуры – психотической или невротической, – присущей отцу. Нормальность отца – это один во-

прос, нормальность его места в семье – совсем другое.

И, наконец, третье мое положение: вопрос о месте отца в семье не совпадает с точным определением его нормативной роли. Говорить о несостоятельности его в семье – не то же самое, что говорить о несостоятельности его в комплексе. Чтобы говорить о несостоятельности его в комплексе, необходимо ввести другое измерение, не совпадающее с измерением реалистическим, которое задается характерологическим, биографическим или другим каким-либо способом его присутствия в семье.

* * *

Теперь, когда состояние вопроса на сегодняшний день я вам объяснил, попробуем расставить наши парадоксы по местам. Начнем с того, что определим роль отца более корректно. Поскольку указать нужное направление и найти корректную формулировку поможет нам место отца в комплексе, обратимся теперь к комплексу и вспомним для начала его азы.

Первым делом, отец грозный. Образ этот оказывается, тем не менее, как само имя его о том свидетельствует, непростым. Отец действует сразу в нескольких планах. Во-первых, он «накладывает запрет на мать. Это и есть основа, начало эдипова комплекса, именно здесь дает о себе знать связь отца с изначальным законом запрета на кровосмешение. Именно на отца, напоминая нам, ложится задача этот закон пер-

сонифицировать. Порой, когда ребенок дает своим склонностям волю, когда проявления их становятся слишком откровенны, ему приходится являть этот запрет и в непосредственной форме, но роль его, этим не исчерпываясь, простирается гораздо дальше. Запрет на мать осуществляется самим присутствием его и тем, как сказывается это присутствие в бессознательном.

Вы ждете, пока я заговорю об угрозе кастрации. Верно, сказать об этом действительно надо, но все при этом далеко не так просто. Да, кастрации действительно принадлежит здесь роль очевидная и получающая все новые и новые подтверждения, связь кастрации с законом действительно носит характер принципиальный, но давайте посмотрим, какую картину дает нам клиника. Я чувствую себя обязанным вам об этом напомнить, так как то, что я говорю, наверняка приводит вам на память те или иные тексты.

Возьмем сначала мальчика. Мы все согласны, что связь между мальчиком и отцом руководствуется страхом кастрации. Что он такое, этот страх кастрации? С какой стороны мы к нему приступаем? Со стороны эдипова комплекса, где он предстает нам уже в первых переживаниях, с этим комплексом связанных. Предстает в какой форме? В форме обращения вовнутрь направленной наружу агрессии. Агрессия эта исходит от мальчика, чья мать, привилегированный объект его, находится для него под запретом, и направляется на отца. Назад же, на него самого, она обращается в силу воз-

никающего между ним и отцом противостояния, то есть постольку, поскольку в воображении своем он проецирует на отца агрессивные намерения, которые равны по силе его собственным, а то и превосходят их, хотя истоки их лежат в ему же присущих агрессивных тенденциях.

Другими словами, страх его перед отцом носит явно центробежный характер – я имею в виду, что гнездится этот страх внутри самого субъекта. Картина эта полностью подтверждается как нашим собственным опытом, так и историей психоанализа. Сам опыт этот очень быстро дал нам понять, что именно под этим углом зрения и должны оцениваться последствия страха, который испытывает субъект по отношению к отцу в эдиповом комплексе.

У всех субъектов, с которыми имеем мы дело в опыте, и в первую очередь у тех, которые представляют собой привилегированный объект его, у невротиков, кастрация, несмотря на свою тесную связь с символической артикуляцией запрета на кровосмешение, проявляется в плане воображаемом. Именно там берет она свое начало. Истоки ее не следует искать в заповеди наподобие той, что сформулирована, скажем, в законе Ману, гласящем: «Тот, кто возляжет со своей матерью, да отрежет себе детородные части и держа их в правой руке, (или в левой, я точно не помню) да идет прямо на запад, пока его не достигнет смерть». Перед нами не что иное, как закон, но ведь для наших невротиков закон этот никто вслух нарочито не формулирует. В большинстве слу-

чаев он вообще оказывается в тени.

Способ, которым невротик воплощает угрозу кастрации, связан, таким образом, с воображаемой агрессией. Оружие может обернуться против того, кто применяет его. Поскольку Юпитеру кастрировать Хроноса ничего не стоит, наши маленькие юпитеры боятся, как бы хроносы не взялись за дело первыми.

Изучение эдипова комплекса в том виде, в каком он предстает в нашем опыте, само то, как Фрейд впервые заговорил о нем и как он был им осмыслен теоретически, ставит перед нами еще и другой вопрос – деликатный вопрос об Эдипе обращенном. Я не знаю, насколько само собой разумеющимся это кажется вам, но стоит открыть любую статью Фрейда или другого, неважно какого, автора, посвященную данному предмету, и каждый раз, когда вопрос об Эдипе окажется в ней поставлен, вы будете поражены тем, насколько зыбкой, нюансированной, поистине озадачивающей предстает в ней роль, приходящаяся на функцию обращенного эдипова комплекса.

В функционировании эдипова комплекса без этого обращения никогда не обходится – составляющая любви к отцу исключена из него быть не может. Именно им и обусловлен конец Эдипа, угасание его в диалектике, по-прежнему понимаемой неоднозначно, любви и отождествления – отождествления, берущего свое начало в любви. Отождествление и любовь – не одно и то же; отождествить себя с кем-то мож-

но и не любя его, и наоборот, но оба понятия остаются, тем не менее, тесно связанными и друг от друга неотделимыми.

Прочтите статью Фрейда 1924 года, специально посвященную угасанию эдипова комплекса, «Der Untergang des O'äippskomplex», и посмотрите, как объясняет он то окончательное отождествление, которым комплекс этот разрешается. Только любовь к отцу позволяет субъекту отождествиться с ним и разрешить Эдип окончательно, придя к соглашению в форме амнезического вытеснения – соглашению, в котором и обретает он идеальный для себя выход, позволяющий ему самому стать отцом. Я не утверждаю, что он немедленно становится в этот момент маленьким мужчиной, но он уже способен им стать, его документы уже в исправности, его дела на мази, и со временем, если все пойдет своим чередом, если маленькие поросята его не сожрут, он, достигнув половой зрелости, готов будет предъявить свой пенис вместе со свидетельством – вот, мол, пожалуйста, все это я в свое время получил от папы.

В случае невроза все это, однако, происходит иначе – и как раз потому, что в пресловутых документах что-то оказывается не в порядке. Но и обращенный Эдип на поверку ничуть не проще. К обращенной позиции субъект приходит тем же путем, путем любви, только вместо благополучного отождествления уделом его оказывается недурная по-своему, хотя и скромная позиция пассивизации в бессознательном плане, которая, выйдя однажды вновь на поверхность,

загонит его в тесный угол squeeze-panic в качестве биссектрисы.

Речь идет о позиции, где субъект засел прочно, – позиции, которую он обнаружил самостоятельно и которая дает ему немалые преимущества. А состоит она в том, чтобы занять место, где отец, грозный отец, столь щедрый на запреты, но порою столь снисходительный, отнесся бы к нему благосклонно – другими словами, чтобы снискать его, этого отца, любовь. Но поскольку снискать его любовь означает занять место среди женщин, а мелкое мужское самолюбие продолжает-таки давать о себе знать, позиция эта, как объясняет нам Фрейд, несет в себе опасность кастрации, что и приводит к возникновению той формы бессознательной гомосексуальности, которая ставит субъект в конфликтную ситуацию, влекущую за собой многочисленные последствия – с одной стороны, постоянный возврат на гомосексуальную позицию в отношении к отцу, с другой же, постоянное сдерживание этой тенденции, то есть ее вытеснение – вытеснение, обусловленное той угрозой кастрации, которую позиция эта за собой влечет.

* * *

Итак, подведем итоги. Начнем с того, что, проведя предварительно ряд различий, сфокусируем внимание на пункте, с которым что-то неладно.

Мы уже выяснили недавно, что именно в отношении Идеала-Я вопрос не был должным образом поставлен. Попробуем и здесь применить операцию упрощения, к которой мы только что подошли. Я предлагаю следующее: не будет так уж смело с нашей стороны утверждать, что отец выступает в этой позиции как преграда. Выступает не только ввиду собственных габаритов, но и ввиду накладываемых им запретов. Но что же он, собственно, запрещает?

Начнем с начала и сделаем необходимые уточнения. Не следует ли нам принять в расчет генитальное влечение и утверждать, что запрещает он, в первую очередь, его реальное удовлетворение? С одной стороны, похоже, что удовлетворение это появляется на более раннем этапе. Но ясно также и другое: сам факт, что отец запрещает ребенку пользоваться пенисом именно тогда, когда пенис этот начинает демонстрировать признаки жизни, становится моментом организующим. Можно сказать, таким образом, что речь идет о запрете со стороны отца в отношении реального влечения.

Но почему именно отца? Опыт показывает, что с не меньшим успехом это делает мать. Вспомните случай маленького Ганса, где слова: «Убери это, так не делается» принадлежат именно матери. И вообще как раз мать-то и грозит ребенку чаще всего – если ты, мол, будешь так делать, я позову доктора и он тебе его отрежет. Следует, поэтому, констатировать: в качестве того, кто запрещает на уровне реального влечения, отец является фигурой необязательной.

О чем идет речь на уровне угрозы кастрации? Речь идет о реальном вмешательстве отца в виде воображаемой угрозы, так как на деле, реально, отрезают его ребенку довольно редко. Обратите внимание, что в таблице этой кастрация является символическим актом, совершителем выступает лицо реальное (отец или мать, говорящие ему: «Тебе его отрежут»), а предмет является предметом воображаемым (ребенок ощущает себя порезанным именно потому, что это воображает). Не кажется ли вам, что это парадоксально? «Но ведь это и сеть, собственно, уровень кастрации, а вы утверждаете, что отец не так уж и нужен», – можете возразить вы. Да, я утверждаю именно это.

С другой стороны, на что он, отец, накладывает запрет? Это именно то, с чего мы и начали, – он накладывает запрет на мать. Как объект она принадлежит именно ему – ребенку она не принадлежит. Именно в этом плане возникает – во всяком случае на одном каком-то этапе – у мальчика или у девочки то соперничество с отцом, одного которого вполне достаточно, чтобы дать начало агрессии. Отец обманывает ожидания ребенка в отношении матери.

Это и есть другой этаж – этаж фрустрации, обманутых ожиданий. Здесь отец вмешивается не как реальное лицо, а как лицо уполномоченное. Даже если он отсутствует, если он звонит, скажем, матери по телефону, результат будет тот же. Вмешательство отца, выступающего здесь в качестве символического, приводит к тому, что ребенок оказывается фруст-

рирован, обманут в своих ожиданиях – совершается воображаемый акт, предмет которого, мать, поскольку ребенок испытывает потребность в ней, вполне реален.

Следует, наконец, третий уровень, уровень лишения, который как раз и принимает участие в артикуляции эдипова комплекса. Речь здесь идет об отце как фигуре, которая вызывает к себе предпочтение перед матерью – измерение, которое вы просто вынуждены задействовать, чтобы довести дело до конца, то есть обеспечить образование Идеала-Я. Окончательное отождествление может осуществиться не раньше, чем отец станет – не важно, в силу чего, своей ли силы, или, наоборот, своей слабости – объектом, который получает перед матерью предпочтение. Вопрос об обращенном эдиповом комплексе и его функции формулируется именно на этом уровне. Скажу больше – именно здесь следует искать ответа на вопрос о том, почему комплекс этот имеет для девочек и мальчиков разные последствия.

В случае с девочками все идет как по маслу – именно поэтому и говорят, что функция кастрации в отношении мальчиков и девочек асимметрична. С трудностями девочка встречается в самом начале, зато в конце разрешение комплекса облегчается тем, что отцу, как носителю фаллоса, вызвать к себе предпочтение перед матерью ничего не стоит. Другое дело мальчик – здесь перед нами зияет провал. Каким образом вызывает к себе предпочтение отец в этом случае? А ведь этим определяется исход эдипова комплекса!

Мы оказываемся здесь перед той же трудностью, с которой мы встретились, говоря о возникновении Эдипа обращенного. Нам кажется поэтому, что для мальчика эдипов комплекс всегда остается фактором, нормативное значение которого минимально, хотя всем тем, что о нем говорится, молчаливо предполагается, что оно как раз максимально, поскольку именно путем отождествления с отцом усваивается мальчиком мужественность.

В конечном счете важно понять, почему происходит так, что функция отца, суть которой состоит в запрете, не приводит у мальчика к тому, что из третьей строки нашей таблицы с очевидностью вытекает, – к тому коррелятивному по отношению в идеальном отождествлении лишению, которое как у мальчика, так и у девочки стремится себя воспроизвести. Именно в силу того, что отец становится Идеалом ее Я, возникает у девочки признание того, что фаллоса у нее нет. Но это идет ей только на пользу, в то время как для мальчика это было бы исходом абсолютно катастрофическим, что и случается порою на самом деле. Другими словами, в момент, когда на исходе Эдипа происходит установление нормы, ребенок признает, что не имеет – не имеет либо того, что имеет, в случае мальчика, либо того, что не имеет, в случае девочки.

То, что происходит на уровне идеального отождествления – на том знаменующем собою исход Эдипа уровне, где отец получает предпочтение перед матерью, – должно при-

вести, в буквальном смысле слова, к лишению. Для девочки результат этот вполне допустим и сообразен, хотя окончательно и недостижим, поскольку от некоего послевкусия, именуемого Penisneid, ей так никогда избавиться и не удастся – свидетельство того, что и здесь все протекает не так уж гладко. Но если бы все протекало гладко, то мальчик, согласно нашей схеме, всегда должен был бы оказываться кастрирован. Выходит, в нашем объяснении что-то хромает, чего-то не хватает ему.

* * *

Попробуем теперь предложить решение.

Что такое отец? Я не спрашиваю, что такое отец в семье, потому что в семье он может быть чем угодно – тенью, банкиром, всем тем, чем он быть обязан, – а может и не быть всем этим, и все это порою может оказаться важным, но может с тем же успехом и не иметь значения вовсе. Нам же интересно другое – что представляет собой отец в эдиповом комплексе?

Прежде всего, реальным объектом он там не является – и это невзирая на то, что для персонификации угрозы кастрации вмешиваться в качестве реального объекта ему порою все же приходится. Но если он не реальный объект – что же он такое?

Не является он и объектом идеальным, потому что с этой

стороны можно ожидать разве что всяческих происшествий. Но ведь эдипов комплекс – это не просто катастрофа; недаром в нем видят основу связи человека с культурой.

«Ага, отец – это отец символический, вы нам это уже говорили», – скажете вы тогда, естественно, мне в ответ. Я действительно вам это уже говорил – говорил достаточно часто, чтобы сегодня не повторяться. То новое, что я скажу сегодня, понятие символического отца несколько уточняет. А скажу я вам вот что: отец – это метафора.

Но что она такое, эта метафора? Определимся в этом с самого начала, а результат запишем на доске, чтобы как-нибудь загладить последствия получившейся у нас неприглядной картины. Метафора, как я вам уже объяснял, это означающее, которое заступает место другого означающего. И я утверждаю, что роль отца в эдиповом комплексе действительно такова, хотя некоторым из присутствующих это, возможно, и режет слух.

Именно так дело и обстоит: отец является означающим, заступившим место другого означающего. В этом и заключается главный, единственный способ вмешательства отца в эдиповом комплексе. И если истоки отцовской несостоятельности вы ищете не здесь, больше вы их нигде не найдете.

Функция отца в эдиповом комплексе состоит в том, чтобы послужить означающим, заступающим место первого включенного в символизацию означающего, означающего материнского. Матери свойственно приходить и уходить снова.

Говорить, что она приходит ко мне и от меня уходит, можно постольку, поскольку я являюсь маленьким существом, которое уже включено в символическое и символизацию уже освоило. Иными словами, я либо чувствую ее присутствие, либо нет, с ее приходом мир видоизменяется и может, того и гляди, рассыпаться в прах.

Но что это за означаемое – вот в чем вопрос. Чего она, вот эта, собственно, хочет? Я-то хотел бы, чтобы она хотела меня, но ясно, что хочет она не только меня. Есть еще что-то, что занимает ее. То, что занимает ее, и есть искомое означаемое. А означаемое уходов и приходов матери – это фаллос. Ведь ребенок сам является частичным объектом, поэтому-то он и вынужден задаваться вопросом о том, что стоит за фактом ее приходов и ее уходов – а стоит за ним не что иное, как фаллос.

Ребенок при известной доле находчивости или везения довольно быстро может догадаться о том, что представляет собой воображаемый х. а раз поняв это, обернуться фаллосом сам. Но воображаемый путь не является путем нормальным. Именно поэтому, кстати, и влечет он за собой то, что называют обыкновенно фиксацией. Ненормален он еще и потому, что никогда не встречается в чистом виде, никогда не бывает до конца доступен, всегда несет на себе печать некоей приблизительности, непрозрачности, конфликтной двойственности, которыми все многообразие извращений и порождается.

А что же представляет собою символический путь? Это путь метафоры. Метафора располагается в бессознательном. И поистине удивительно, что бессознательное не обнаружили раньше, хотя оно было на своем месте всегда и есть до сих пор. Чтобы догадаться, что место это вообще существует, нужно было, видимо, знать, что оно там, внутри, заранее.

Я хотел бы предложить вам одно соображение, с которого вы, путешествуя по всему миру в качестве, я надеюсь, апостолов моего слова, всегда сможете начать разговор о бессознательном с людьми, которые прежде о нем никогда не слышали. Удивительно – скажете вы им – что с тех пор, как стоит мир, ни одному из людей, именующих себя философами, и в голову не приходило, по крайней мере, в классический период (теперь-то дело пошло повеселее, но сделать еще предстоит многое), заговорить о том важнейшем измерении, которое фигурирует у меня как что-то другое.

Измерение это присутствует не только в желании. Оно налицо и в других состояниях, притом постоянно. Возьмем, скажем, ночные бдения – то, что называется ночными бдениями, – разве не уделяем мы им слишком мало внимания? Бдения, – скажете мне вы, – ну и что? Но ведь именно о ночном бдении упоминает Фрейд в описании случая председателя суда Шребера, говоря о главе ницшевско-го «Заратустры», озаглавленной «Перед рассветом». Замечания, подобные этому, как раз и показывают нам, что в этом Другом Фрейд поистине жил. Когда я рассуждал с вами однажды о

дне, о вечернем покое и других вещах в этом роде, которые тогда более или менее до вас дошли, именно это замечание Фрейда и служило мне главным ориентиром. «Перед рассветом» – да разве речь идет о восходе солнца? нет, чего-то Другого, сокрытого – вот чего ждут в момент бдения.

* * *

Возьмем, далее, стремление затвориться. Разве это изменение не существенно? Судите сами: стоит человеку где-то – будь то пустыня или девственный лес – оказаться, как он немедленно начинает себя огораживать. На худой конец он, как Ками, захватит с собой пару дверей – лишь бы устроить между ними сквозняк. Все дело в том, чтобы устроиться где-то внутри, но не понятия внутреннего и внешнего задают здесь тон, а понятие чего-то другого, Другого как такового, не тождественного с тем местом, где мы наглухо законопачены.

Скажу больше: изучив феноменологию пресловутого стремления затвориться, вы сразу же заметите, до какой степени абсурдно связывать функцию страха исключительно с реальной опасностью. Так, феноменология фобии наглядно обнаруживает тесную связь страха именно с безопасностью. Легко убедиться, что у субъекта, страдающего фобией, приступы тревоги возникают именно тогда, когда он страх свой утратил, когда вы начали его полегоньку от фобии избавлять.

«Э, нет, – говорит он вам, – так дело не пойдет. Раньше я всегда знал, где мне следует остановиться. Теперь же, утратив страх, я не чувствую себя в безопасности».

Есть и еще одно измерение, которому, я убежден, вы, чувствуя себя в нем, как рыба в воде, достаточно внимания не уделяете, – измерение это называется скукой. Вам и в голову, может быть, не приходило, насколько она в качестве измерения чего-то другого типична. Она и заявляет-то о себе в характерных выражениях, уверяя, что ей, мол, «хочется чего-то другого». Мы согласны хоть говно есть – лишь бы всякий раз новое. Перед нами во всех этих случаях своего рода алиби, уже сформулированные, уже прошедшие символизацию алиби, защищающие субъекта от обвинений в связи с чем-то другим.

Я хотел бы обратить ваше внимание на еще одну разновидность проявлений присутствия чего-то Другого – на многообразные институализированные его проявления. Любые образования, где бы то ни было создаваемые людьми, то есть все так называемые коллективные образования вообще, можно классифицировать по признаку того, каким именно способам связи с чем-то другим эти образования удовлетворяют.

Где бы человек ни появился, он немедленно строит тюрьму и бордель, то есть места, где действительно обитает желание, затем обязательно ждет чего-то, ждет, например, когда придет лучшее будущее, – всегда тут, наготове, он бодр-

ствуется, он ждет революции. Но самое главное: где бы он ни появился, особенно важно то, что все занятия его буквально источают из себя скуку. Занятие начинает становиться серьезным не раньше, чем то, что составляет главный его элемент, то есть, вообще говоря, его регулярность, смертельным образом ему не наскучивает.

Подумайте, в частности, насколько многое в вашей аналитической практике словно нарочно так устроено, чтобы умирить вас скукой. Именно в скуке-то все и дело. На первый взгляд, довольно большая, по крайней мере, часть так называемых технических правил, которые аналитик обязан в работе своей соблюдать, направлена на то, чтобы установить в этой области какой-то гарантированный профессиональный стандарт, – но присмотритесь к ним поближе, и вы немедленно убедитесь, что происходит это лишь постольку, поскольку правила эти поддерживают, одобряют и культивируют в сердцевине аналитической практики не что иное, как скуку.

Желание желания. Гомосексуализм

Говоря об эдиповом комплексе, следует ввести понятие о тактах. Это не обязательно такты хронологические, но суть не в этом – ведь и логические такты не могут развернуться иначе, нежели в той или иной последовательности.

В первом такте мы имеем отношение ребенка не к матери, как говорят обычно, а к желанию матери. Перед нами желание желания. У меня были случаи убедиться, что формулировка эта не слишком привычна и что иным трудно бывает освоиться с представлением, что просто что-то желать, и желать желание другого субъекта, – далеко не одно и то же. Важнее всего здесь понять, что пресловутое желание желания подразумевает, что речь идет о первичном объекте, то есть, собственно говоря, о матери, и что объект этот образован был таким образом, что желание его может оказаться желанием для другого желания – желания ребенка.

Какое же место занимает у нас диалектика этого первого этапа? Ребенок на нем в высшей степени изолирован и на чисто лишен чего бы та ни было, за исключением желания того Другого, который уже сложился для него к этому времени в качестве Другого, способного присутствовать или отсутствовать. Вопрос заключается в том, как он сможет этого объекта достичь – ведь на уровне матери, в существовании своем намного ребенка опережающей, объект этот успел по-

лучить строение не в пример более сложное.

Мы постулировали, далее, что объект этот, будучи осью, вокруг которой обращается вся диалектика субъекта, есть не что иное, как фаллос. Речь идет о фаллосе как том самом предмете, который и является для матери желанным. С точки зрения структуры существует несколько различных форм связи матери с фаллосом. Играя в субъективном устройстве матери главную роль, он может, в качестве объекта, находиться в различных состояниях – что как раз и создает нам впоследствии немало сложностей.

На данный момент, однако, мы удовлетворимся тем, что возьмем его таким, какой он есть, ибо внести во все то, что относится к разряду аналитических феноменов, порядок и верную перспективу, нам удастся, на наш взгляд, лишь в том случае, если исходить мы будем из означающей структуры и циркуляции означающих. Если наши ориентиры надежны и постоянны, то это потому, что они структурны, что они ведут нас путями означающих построений. Это и есть то, чем мы руководствуемся, и потому беспокоиться о том, что представляет собой фаллос для определенной матери в каждом конкретном случае, нам здесь не приходится.

Итак, в означающем место фаллоса нам довольно определить именно так – это метонимический объект. Ввиду существования означаемой цепочки он будет в любом случае циркулировать в означающем повсюду – как колечко, бегающее от игрока к игроку при игре в веревочку. В означае-

мом он является тем, что возникает в нем вследствие самого существования означающего. Опыт показывает, что означаемое это приобретает для субъекта чрезвычайно важную роль – роль универсального объекта.

В этом как раз и заключается самое удивительное. Именно этим возмущаются те, кто хотел бы, чтобы ситуация в отношении сексуального объекта была для обоих полов симметричной. Точно так же, как мужчине предстоит открыть для себя, как его инструмент работает, а затем на ряде самостоятельных опытов его к действию приспособить, должно, по их мнению, обстоять дело и с женщиной, вся диалектика которой должна строиться вокруг *clippus*. Анализ обнаружил, однако, что на деле ничего подобного нет. В этом и состоит лучшее подтверждение того, что у психоанализа есть своя, самостоятельная область – область, которая не имеет с развитием инстинктов, независимо от его степени, ничего общего и которая, в целом, накладывается на анатомию, то есть на реальное существование индивидов, не совпадая с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.